

ИСТОРИИ

«Ты прощаешься с самой идеей выступать на русском языке»

Интервью комика Дениса Чужого —
об угрозах за антивоенные высказывания
и новой роли стендаперов

05:04, 5 июля 2022 · Источник: Meduza

[Ссылка на материал](#)

...

Берегите себя и отправляйте этот материал
только тем, кому вы доверяете

Комик Денис Чужой высказался против войны в Украине в первый же день — 24 февраля. После этого ему начали поступать угрозы от людей, представлявшихся участниками ЧВК Вагнера⁽¹⁾, а на концерте в Вологде зрители принесли к сцене похоронный венок. Комик уехал из России два месяца назад — но за это время еще несколько раз возвращался в страну ради концертов и передал часть денег от выступлений в поддержку украинских беженцев. «Медуза» поговорила с ним об угрозах, вынужденной эмиграции и о том, что делать комику, которому грозит опасность за его работу.

You can read this interview [in English](#).

— Два месяца назад ты уехал из России, сейчас находишься в Стамбуле. При этом в конце мая у тебя были концерты в России — в Иркутске, в Красноярске, в Новосибирске.

— Да. Мы их запланировали еще в конце прошлого года. Если бы я их не сделал, мы бы влетели на большие деньги. Плюс мы решили поддержать и повеселить людей наших

взглядов и нашего мировоззрения — им сейчас тяжело и страшно.

— Фактически ты возвращался на этот небольшой тур уже из эмиграции.

— Да, уже без ощущения, что еду домой.

— Не было желания отменить эти шоу, не рисковать лишний раз собственной безопасностью? Думал ли ты об этом вообще?

— Думал. Но то, насколько моя жизнь ухудшилась бы в финансовом смысле, если бы я не провел эти концерты, пересилило [страх]. У нас и так непростая ситуация. Если бы я был вынужден вернуть все бабки площадкам, то было бы очень тяжело. Поэтому мы пошли на риск. Мой друг мне сказал, процитировав Киплинга: «Ты дергал смерть за усы».

— Какими были эти концерты, прошедшие уже во время войны? Изменилось ли то, как тебя слушают, каких шуток ждут?

— У меня не сильно изменился материал. Он изначально такой [основанный на новостной повестке] и был. Условно, это юмор для читателей «Медузы».

Все прошло как обычно. Только от некоторых шуток как будто было большее ощущение катарсиса. Ты говоришь

об актуальной ситуации, чувствуешь, как зал напрягается, потом говоришь шутку — и получаешь более мощный, чем прежде, взрыв эмоций.

Я выкладывал в ютьюбе такой фрагмент. Шутка о том, что мне звонили люди из «Мужского государства⁽²⁾»

и спрашивали, что я думаю о ситуации в Украине. Я еще ничего не успел ответить, но меня сразу начали материть. Это было обидно. Но по факту «Мужское государство» — первое государство, которое спросило мое мнение.

Над этой шуткой очень сильно смеялись. Потому что у всех есть ощущение, что их не спрашивают.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по этой ссылке.

(<https://youtu.be/mnNBC6Ndilw?t...>)

— **Когда ты писал материал, с которым туда поехал?**

— Как сейчас говорят комики, это «довоенный» материал. Я написал его за ноябрь [2021 года], за зиму довел до ума и поехал в тур, где уже на больших часовых концертах приводил его в финальную форму. Но сейчас к нему постоянно добавляется что-то новое, топлива очень много.

— **Не хотелось сократить материал, включить самоцензуру?**

— Такое было, когда я выступал в Череповце. Был веселый эпизод, когда мне принесли на концерт [прошедший до этого в Вологде] похоронный венок. Я про это написал в соцсетях, это сильно разошлось и, видимо, дошло до каких-то органов. Когда я приехал [с концертом] в Череповец, мой друг оттуда сказал, что на выступлении будут эфэсбэшники (уж не знаю, откуда у него такие связи). И мое выступление минут на 10 все-таки сократилось — некоторые самые острые вещи я убрал.

Больше, наверное, такого не было. Я подозревал, что на других концертах могут быть силовики, но я этого не знал наверняка.

— В ситуации, когда ты не можешь говорить со сцены прямо, опасаясь за собственную безопасность, получается, что ты должен шутить на отвлеченные темы — не знаю, как старый КВН, про «Жигули» и футбол. Насколько это честно сейчас по отношению к зрителю? Ведь кажется, что сейчас ему как раз нужна рефлексия о войне, — все же думают об этом. Но ты этого сделать не можешь. Как ты эту задачу решаешь лично для себя?

— Мы сейчас говорим так, как будто все зрители одинаковые. У разных проектов, разных комиков, разных телеканалов — свои зрители, и у всех разные ожидания

от стендапа. Кто-то считает, что юмор должен скорее отвлекать, давать отдохнуть от того, что происходит.

Например, [московский] клуб «Stand Up Патрики», в котором я работал до отъезда, сразу после начала войны сделал концерт, где комики почти не говорили на эту тему, максимум про санкции. И это вызывало очень мощную разрядку — зрители впервые за несколько дней получили повод посмеяться. Они выпили весь алкоголь в баре.

Такого в принципе ни в одном стендап-клубе я не видел — всегда все закупают с запасом. Люди очень хотели такой разрядки.

Или зрители ТНТ — они просто хотят послушать про свою мирную жизнь, про дачу. Наверное, для них это тоже работает.

Мой зритель, видимо, хочет более честного разговора про то, что происходит. И либо ты ему это даешь, либо не выступаешь, как я и сделал. То есть сначала дал, а потом перестал выступать.

ОБ ОДНОМ ИЗ КОНЦЕРТОВ ЧУЖОГО

Комик Денис Чужой выпустил концерт «Дальше сам»: о жизненном кризисе, но с шутками про Путина, Навального, Лукашенко и Павла Волю
Получилось смешно (настолько, что теперь Чужого ищет полиция)

— Меня этот вопрос очень сильно интересует. Что делать с развлекательным контентом сейчас? Я сама занимаюсь культурными и развлекательными темами — и до конца не понимаю, должна ли я рассказывать читателям, например, про «Очень странные дела», когда идет война. Но все равно продолжаю это делать. Интересно узнать, что ты по этому поводу думаешь?

— Если честно, я даже сам для себя это не решил. Я занимаюсь юмором, потому что в целом ничего больше не умею делать. Мой выбор сейчас: либо просто сидеть и ничего не делать, съесть себя изнутри, либо делать то, что могу. И по возможности собирать деньги беженцам.

— Кстати, про беженцев. В одном из своих постов в телеграме ты писал, что часть собранных на концертах в России денег ты отправишь в «различные фонды». О каких фондах шла речь?

— Я не буду их называть. Это были благотворительные фонды, помощь беженцам и так далее. Мы стараемся держаться в рамках закона, но я на всякий случай все равно это не афиширую, потому что законы меняются с огромной скоростью. Вот я деньги с концерта отдал в благотворительный фонд, а уже через час вышла новость, что за это может грозить уголовная ответственность. В нашем случае все нормально — этот

фонд не приведет меня в тюрьму, все законно. Но это постоянная неопределенность — ты еще из-за благотворительности можешь влететь. Неприятная штука.

СТАТЬЯ О «ПОМОЩИ ИНОСТРАННОМУ ГОСУДАРСТВУ»

Генпрокуратура пообещала проверять на госизмену «каждый факт оказания помощи иностранному государству». Что теперь будет со всеми, кто выступает против войны с Украиной?

— Зрители в России знали о сборах — и они пришли на этих условиях?

— Да. Мы же все на одной стороне.

— **Вспомни, как ты узнал, что началась война?**

— Мы были дома. У нас на тот момент была своя квартира в Москве. Обычно мы просыпались, впускали наших собак в комнату и еще десять минут лежали всей нашей человеческо-собачьей семьей. Просто хорошо начинали день. Потом доставали телефоны из-под подушек, начинали смотреть, что произошло.

И вот в этот момент пришло ощущение ужаса. Все закончилось. Наше пространство, которое мы строили восемь лет, наш дом в Москве, который мы наконец-то получили в свое распоряжение — и только начали ему радоваться, чувствовать, что он наш. В этот момент стало

ясно, что дома больше нет. Что тут уже не будет уютно и спокойно.

Мы позлились, подумскроллили⁽³⁾ первые пару дней и потом уже начали думать, как уезжать.

— Вы сразу решили уехать? Не было мысли остаться?

— Мы составили большую заметку с возможными исходами двух этих решений. И поняли, что лучше не быть в ближайшее время в России. Еще и угрозы начались, и это тоже склонило чашу весов.

— Я знаю, что угрозы тебе начали поступать после того, как ты написал антивоенный пост. А до этого тебе угрожали?

— До этого у меня был непонятный инцидент с курской полицией, которая проверяла мой последний стендап-спешл [«Дальше сам»] на предмет незаконности. До сих пор не вполне понятно, что это было. И на этом фоне [уже к началу войны мне] было не совсем спокойно. Там очень быстро стало ясно, что никакое дело на меня не получится завести, но мое нервное равновесие было нарушено.

Я еще отходил от того инцидента, и тут случилась война и угрозы⁽⁴⁾. Это меня расшатало. В клубе, где я работал, мне подарили газовый баллончик. Я его тестировал на снеговике в парке. Однажды я понял: я стендап-комик, веселю людей, и я иду вечером домой задерганный.

У меня в кармане куртки газовый баллончик лежит в такой позиции, чтобы его можно было за секунду достать и использовать. Я подумал в тот момент, что моя юмористическая карьера куда-то не туда поперла.

— Эти угрозы до сих пор поступают? Или после тех звонков, записи которых ты опубликовал, все успокоилось?

— Они продолжались. А потом я уехал в Турцию, купил турецкую симку, и на этом закончились угрозы. Не знаю, может быть, они до сих пор звонят на российскую симку.

— Довольно страшно, когда тебе звонит незнакомый человек — и говорит «мы сейчас на вертолетах из Украины к тебе прилетим». Но и смешно тоже.

— Это правда очень смешно.

— Но и страшно. Как ты это перенес?

— Ты от этого отвлекаешься. Организм и психика не могут постоянно находиться в этом остром ощущении, постоянно быть на нервах, постоянно бояться. А потом это просто перешло в раздражение. Я сижу, пишу сценарий, работаю, это требует концентрации. И мне звонит этот чувак, начинает угрожать, я ему говорю: «Иди в жопу, пожалуйста. Чувак, ты своими угрозами насилия сильно меня отвлекаешь от сценария. Можешь после четырех

позвонить?» И в итоге это свелось к досаде, а не страху — опять какой-то дурак не дал тебе дописать твои шутки.

— Ты разобрался все-таки, это правда было «Мужское государство»? Или ты до сих пор не знаешь, кто звонил?

— Мне помогали пробивать эти номера, может быть, это они. Доказательств у меня нет. Симки были куплены где-то в Подмоскovie пачкой — там номера шли подряд. Все это похоже на дурацкую акцию, организованную не очень талантливыми людьми. Это тоже сильно убило страх, потому что ты понимаешь, что это организация каких-то идиотов.

— Венок на концерт в Вологде тоже они прислали?

— Нет, это были футбольные фанаты. Они планировали анонимное устрашение, но их знало несколько людей в зале. Плюс они купили билеты через нашу билетную систему, которая по всем российским законам собирает персональные данные, — то есть у нас есть имена этих людей, телефон и имейл. Так себе получилось анонимное устрашение. Мне сказали, что это футбольные фанаты, которые занимаются идиотской фигней и думают, что они приносят тем самым пользу родине.

— Они так подрабатывают?

— У них есть идея, что вот так они помогают стране. Воспитывают патриотизм в гражданах. Не понимаю, как это работает, но у них есть чувство, что это нужно обществу.

— Ты не думал, что венок — это отсылка⁽⁵⁾ к твоему концерту?

— Я думал об этом, наверное, первые несколько секунд. Я выступал, произносил текст — был немножко в другом мире в этот момент, в общем. И моя первая мысль была: «О, прикольно. Это отсылочка к моим старым шуткам про смерть». Он [человек с венком] что-то говорит, я это еще не фиксирую. А потом до меня доходит, что речь идет о предательстве России, что наши ребята гибнут, а ты такие вещи говоришь. В этот момент стало понятно, что это не прикол и это не моя целевая аудитория пришла к сцене, а некие активисты.

— **Что вы потом сделали с венком?**

— Я его забыл. Хотел его повезти с собой дальше в тур. Но мы опаздывали на поезд, и он остался лежать на сцене.

— **Все это хороший повод для шуток, но у тебя не было желания бросить стендап после этого? Ты все время на виду, стоишь на сцене, в общем, ты физически довольно уязвим.**

— [Если я брошу стендап,] это даст им понять, что это работает. Они такие: «Ага. Мы сделали шесть звонков, принесли один венок — и какой хороший КПД!

Мы целого комика вывели из строя!» Не хотелось бы им давать такой повод для кайфа. Наоборот, захотелось побольше повыступать — и про них еще придумать приколы.

— Как ты думаешь, почему на тебя так остро среагировали? Не помню, чтобы другим комикам венки присылали.

— Не знаю. Как будто не так уж много комиков и высказались против войны. Наверное, это обозримое количество людей. Мы еще смеялись — когда опубликовали открытое письмо комиков против войны, что в нем был готовый список [подписавшихся], кого травить. Не помню, кто его создал, но как будто каждый комик, который его подписывал, подключал следующего комика к нему. Это как письмо счастья. Меня Саша Долгополов позвал участвовать. И так в письме образовалась очень понятная иерархия — очень понятный список для определенных граждан. Наверное, я стоял вверху этого списка, и мне одному из первых прилетело.

— 27 февраля, через несколько дней после начала войны, у тебя был концерт в Белгороде. Сейчас он тоже

под обстрелами. Как прошел этот концерт? Может, ты к нему специально готовился?

— Я переживал, что это будет вообще неуместно. У меня там есть подруга, она писала, что накануне у них громыхало и они были напуганы. Белгород в этом туре стоял в ряду из трех городов — он был третьим. Я ехал туда не из дома и, соответственно, не мог изменить маршрут. Я приехал и подумал, что похожу, посмотрю, как там ситуация, и уже решу окончательно — делать концерт или нет.

В день концерта я вышел из гостиницы и увидел, что город не испуган — люди гуляют, ходят в рестораны. И решил, что, наверное, можно. Публика была очень довольна. Кто-то не замечал новостей, кто-то был, наоборот, испуган, и концерт стал хорошим способом отвлечься. В общем, все прошло отлично.

Раньше я в Белгороде не очень хорошо заходил⁽⁶⁾, а тут отличный концерт был. Может быть, это [напряжение] даже помогло, нашелся способ это напряжение сбросить.

— Что значит «в Белгороде не очень хорошо заходил»? Бывает так, что какой-то определенный комик плохо заходит в каком-то определенном городе?

— У меня всегда было много политического материала. Помню, что на одном из сборных концертов в Белгороде

однажды организатор подошел к нам и сказал: «Чуваки, выступайте, кайфуйте, но, пожалуйста, не забывайте, что у нас тут святая Белгородчина». Это такой никнейм Белгородской области — там очень сильны традиционные ценности и так далее. Меня тогда приняли сильно хуже, чем других комиков. Люди такие: ну, остроумно конечно, но мы согласны не до конца [с политическими шутками]. И у меня остался микрострах, что это не мой город. Но в этот раз все вообще отлично прошло.

— У тебя было шоу «Класс народа», которое, как я понимаю, больше не выходит?

— Да, потому что оно теперь оно переместилось в реальность.

— Ты там обозревал комментарии людей в интернете — по поводу всего подряд, разных скандалов — от истории с Региной Тодоренко до политических событий. Это очень токсичная вещь, как мне кажется. Расскажи, как ты над этим работал и как у тебя, прости за прямоту, не поехала кукуха, пока ты в этом копался?

— Как раз когда у меня появилось ощущение, что кукуха едет, я и закончил.

Сначала это казалось веселым. Ты вдруг понимаешь, что твой информационный пузырь не такой большой, есть

другие пузыри гораздо интереснее и необычнее. Мне было смешно до определенного момента. Но потом я понял, что люди просто транслируют своими словами то, что им говорят по телевизору и в пабликах типа «Антимайдан». А там крайне мало свежих мыслей.

Вот ты сделал выпуск об украинском майдане — и, когда происходят протесты в Беларуси, ты уже знаешь, какие будут комментарии, потому что ты их читал про Украину. Просто оскорбления с украинских на белорусские переделают, а все остальное будет так же. И я решил, что потихоньку буду заканчивать, ведь ни я, ни пропаганда ничего нового уже не скажут.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по этой ссылке.

(<https://www.youtube.com/watch?...>)

— Исследуя эти комментарии, ты успел понять, насколько эффективна пропаганда? Она действительно навсегда разделила людей?

— Мне кажется, нет. Мне кажется, это очень наносная штука. Да, у тех, кто постарше, есть тоска по величию. Одновременно это еще и тоска по собственной молодости. У людей, которые ближе к нашему возрасту, — это просто наносное. Если вдруг пропаганда начнет объяснять, что

Украина теперь наш друг и брат, они очень быстро с этим согласятся и восстановят отношения.

Во многом это иллюзия большинства — тебе хочется одобрения или хотя бы не бояться того, что тебя осудят. И ты просто очень быстро ведешься, начинаешь повторять, что говорит большинство.

КАК ПРОПАГАНДА РУШИТ СЕМЬИ

Кино в новой реальности. «Разрыв связи» — фильм Андрея Лошака о друзьях и семьях, которые ссорятся из-за войны

— В одном из твоих концертов была шутка про россиян, которые встанут с колен, только когда соберут всех колорадских жуков. Там заканчивал ее репликой: «Когда я рассказываю эту шутку в Киеве, люди смеются». Это правда?

— Да, это правда было. Шутка звучит как будто бы от имени американского пилота ВВС, который сбрасывает колорадских жуков на Россию. Он говорит: «Пока россияне собирают жуков, они не встанут с колен». Я эту шутку рассказал в Киеве около года назад. Она хорошо сработала. И я почему-то на ходу решил спросить: «Вы не над шуткой смеетесь, а над тем, что Россия на коленях стоит?» Их это их тоже повеселило.

— Почему они так отреагировали?

— Было напряжение. Когда мы с [украинским стендап-комиком] Феликсом Редькой, который был тогда организатором концерта, гуляли по Харькову, там висела реклама книги какого-то украинского политолога «Как победить Россию в будущей войне». Мы угорали. Редька говорил, возьми это себе в рубрику «Плохие книги».

Как будто тогда уже существовала эта идея войны, она витала в воздухе, но все думали, что это политолог-дурачок сгущает краски. Это существовало на полушуточном уровне, по крайней мере, среди тех, с кем я общался.

Они как будто все этого ожидали. Оказалось, что это не преувеличение было и что этот политолог оказался прав.

— Сейчас бы ты включил такую шутку в свой концерт?

— С точки зрения комедии — да, я бы включил. Но мне кажется, что у меня сейчас нет морального права в комедийном ключе упоминать Украину.

— Даже упоминать?

— Да. Мы не имеем права больше на это ссылаться как на часть своей реальности. Я не предполагаю, что я когда-

либо еще смогу выступить в Украине просто потому, что мы допустили это.

Я очень люблю людей с Украины, и многие люди с Украины ко мне по-прежнему хорошо относятся. Но я за собой морального права туда еще раз приехать в ближайшие годы или десятилетия не чувствую, соответственно, и шутки какие-то делать [тоже]. Хочется шутить так, чтобы потом я мог смотреть в глаза объекту шутки. Наверное, украинцам в глаза я какие-то шутки не скажу — и лучше не буду их вообще говорить.

К тому же у украинцев сейчас большой подъем комедии — и там сейчас будет кому шутить про проблемы Украины. Так что я не буду это трогать.

— Вернемся к России. Что с российском стендапом? Он умер или еще жив? Есть ощущение, что все главные звезды независимой сцены уехали. Как, может быть, и кто-то и из ТНТ...

— [Из ТНТ] все на месте. Все в порядке, у них недавно были съемки. Это единственный сезон «Стендапа на ТНТ», которого я очень жду. Просто интересно, зная контекст, в котором мы существуем, посмотреть какой-нибудь монолог про то, как тяжело в метро ездить. И в такси.

— Да, или о том, «какая моя девушка дура».

— Да, или жена. Ведь многие женятся для того, чтобы было про кого говорить в стендапе.

— И все-таки что с независимой сценой? Она вообще осталась сейчас в России? Что изменилось за время войны? И до этого было напряженно — Идрака Мирзализаде вообще заставили уехать из страны, — но все же это был другой уровень напряжения.

— Конечно, все изменилось навсегда. «Стендап-клуб № 1»⁽⁷⁾ существует. Я с тяжелым сердцем смотрю сторис, афиши, анонсы шоу — это все есть и живет. Но я думаю, что все стали еще аккуратнее, притом что российский стендап и раньше в целом не отличался смелостью.

Наверное, независимый стендап все еще есть, но просто сегодня это не так круто, как должно быть и как могло быть. Хотя талантливых комиков в России невероятное количество.

ИНТЕРВЬЮ ИДРАКА МИРЗАЛИЗАДЕ

«Ты шутил о чем-то раньше и продолжил об этом шутить — просто грустнее» Интервью комика Идрака Мирзализаде — о юморе во время войны и о том, почему многие стендаперы делают вид, что ничего не происходит

— То есть, находясь в России, ты не можешь откровенно говорить о том, что тебя волнует. Зачем тогда продолжать этим заниматься?

— Для многих это работа и ремесло. Есть набор тем, на которые ты можешь шутить безопасно — и зарабатывать себе на хлеб. Многие идут на этот компромисс, складывают в отдельную заметку острые шутки [и не произносят их]. Я уверен, что есть куча комиков, которые не хотели бы это трогать, и есть комики, которые даже в безопасные времена не лезли в это.

Есть Виктор Комаров⁽⁸⁾. И я помню, что, когда начались первые неприятности у Идрака, «Афиша» взяла комментарии у кучи московских комиков. И все сказали, что так нельзя, нельзя наказывать за шутку, нельзя творчество загонять в рамки. Виктор Комаров сказал: «Мне все равно. Я на такие темы и так не шутил». Это так странно смотрелось.

Есть такие комики, которым, наверное, все равно, которые останутся в круге шуток про то, как они мусор выносят. Для них, наверное, глобально за последние годы вообще ничего не поменялось.

— А те, у кого поменялось, уезжают?

— Уезжают или просто не снимают эти шутки на видео. В формате живых выступлений свободы чуть побольше.

Когда нет эшников⁽⁹⁾ в зале, есть негласный договор, что мы себе позволяем чуть больше. Наверное, это и будет островок свободы. Надеюсь.

КАК ВОЙНА ИЗМЕНИЛА РОССИЙСКУЮ КУЛЬТУРУ

Война навсегда изменила российскую культуру. Что с ней будет дальше? Мы собрали несколько важных прогнозов. Все они неутешительны

— Те, кто уехал, теперь в эмигрантской тусовке, у них теперь своя эмигрантская публика...

— Я стараюсь на это ставку не делать. Старюсь больше выступать на английском и вливаться в другую тусовку, потому что есть ощущение, что это очень конечно. По крайней мере, в Стамбуле сейчас три русскоязычных комика. Понятно, что это не вырастет в нечто большое.

Мы сделали четыре небольших благотворительных концерта, и мы говорили просто об опыте переезда в Турцию. Это суперузкие шутки, которые ты даже на видео не запишешь, потому что никто, кроме этих 300 людей, тебя не поймет. В этом есть, скорее, печаль.

Ты рассказываешь в Турции шутки про «Яндекс.Лавку» — и видишь, что люди, у которых эта «Яндекс.Лавка» тоже была, грустят: «Да, блин, чувак, зачем ты вообще про это говоришь». Ощущение, что это прощальные выступления.

Ты прощаешься с самой идеей выступать на русском языке.

— **Грустно.**

— Надеюсь, что в Армении и Грузии все гораздо живее. Там открываются русскоязычные клубы, там больше зрителей и комиков, поэтому ощущение нормальной комедии продлевается. Тут нас мало. Это как в одном из сезонов «Шерлока» было — когда Шерлок взял Молли⁽¹⁰⁾ на дело просто в качестве прощального подарка, а не в качестве реальной работы. У нас такое же ощущение. Мы сейчас работаем то ли по инерции, то ли просто из уважения к своей работе.

— **Почему ты не поехал в Ереван или Тбилиси?**

— Ты все равно едешь туда ждать. Это странные условия — сидеть и ждать, пока что-то поменяется. Ты не меняешь это сам и не понимаешь, когда что-то изменится, то есть ты просто оказываешься в позиции жертвы. Я решил, что, раз я не могу повлиять на ситуацию, я просто себе придумаю новый проект, попробую выступать на английском. Я искал город, куда можно въехать без визы и где есть англоязычная сцена. Стамбул подошел.

«Верю, что после такой тяжелой ночи нас ждет очень красивый рассвет. Хочу встретить его в России» Читатели «Медузы» — о том, почему они решили остаться в России (или не смогли уехать)

— **Перед началом интервью ты рассказал, что вы собираетесь делать из тебя «инвестпроект». Хотите предложить донатам Дениса Чужого получать процент с его выступлений. Это не шутка была?**

— Это инвестиции в криэйтора (отвратительное слово). В США это уже существует. Мы решили, что в стендапе это может привести к интересному эффекту: я смогу продержаться в Стамбуле подольше и дальше поехать с англоязычными выступлениями. И 10% [прибыли] мы будем по-прежнему отдавать каким-то благотворительным организациям, помогать беженцам.

Это и заработок, и способ построить комьюнити, то есть общаться с людьми, которые за тебя болеют и которые в этом заинтересованы, в твоём успехе, сильнее, чем другие. И ты выходишь таким образом из позиции жертвы, когда ты только просишь деньги и все. А так ты выдумываешь приключение не только для себя, но и для людей.

— Какой ты видишь для себя пик карьеры? Спешл⁽¹¹⁾ на нетфликсе?

— Много спешлов на нетфликсе! Один спешл — это почему-то грустно звучит.

Я скорее мечтаю не о какой-то точке, а об образе жизни. О том, чтобы делать свое дело долго, хорошо и с радостью. Есть один из моих любимых комиков — Майк Бирбиля⁽¹²⁾, и он мне кажется маленьким Буддой. Он нашел свою колею, свой стиль стендапа, свою манеру. Он продвигает свой стиль, помогает молодым комикам. Это со стороны выглядит как очень счастливая жизнь. Он находит счастье не в победах, не в том, что он продал концерт за 20 миллионов, а в каждой маленькой части его карьеры. И это всем приносит радость.

У меня есть подруга в Нью-Йорке. Она мне как-то говорит: «Еду в автобусе, и тут заходит Майк Бирбиля. Доехал до клевого района, вышел и пошел домой». При этом он невероятно успешный человек. Это мне так нравится. Скорее я стремлюсь к образу жизни, чем к каким-то победам.

— Сложно ли тебе писать на английском языке, думать и говорить?

— Да, но это на удивление легче, чем я думал. Я ждал долгую ломку, что будет абсолютное переделывание себя.

А оказалось, что у меня просто проблемы с предложениями.

Я два года проучился на инязе — и сейчас тяжело осваиваю это на живых выступлениях, учу предлоги.

В остальном это все та же работа, просто чуть медленнее идет. За два месяца в Стамбуле я написал по-английски минут 15, а на русском написал бы минут 40. Они были не суперкрутые, но их уже можно было показывать.

— Как поменялось теперь облако тегов, вокруг которых ты рисуешь свои выступления? Раньше это была российская политика, психотерапия, поп-культура и так далее. А теперь это что-то другое?

— Я пытаюсь делать другое. Сейчас ищу темы, которые понятны и интересны мне и зрителям. В Стамбуле пересекаются множество транспортных путей.

Ты приходишь здесь на открытый микрофон, а там люди из Сербии, из Алжира, из Америки, кто-то из России.

И ты уже не можешь положиться на какой-то национальный культурный код. Некоторые мои шутки про российскую политику здесь очень плохо работают, люди просто этого не знают. Про Путина работает, а чуть глубже копнешь — и все. Надо искать более универсальные темы. Думаю, это меня делает лучше как комика — я чуть-чуть выхожу за пределы своих узких интересов.

Смерть и депрессия работают шикарно на любом языке. Сербь очень любят шутки про суицид. Турки меньше —

они как будто более радостные люди.

Но вообще я понял, что, если у тебя не получается кого-то рассмешить, скорее всего, дело не в плохом панчлайне, а в том, что ты плохо объяснил людям тему. Думаю, даже русские реалии можно объяснить до конца, но просто нужно чуть больше труда. Я сейчас учусь быть понятным любому человеку.

— И все-таки ты сейчас, как и многие, переживаешь адаптационный стресс после переезда. При этом начинаешь новый сложный проект. Где силы берешь?

— В семье и собаках. Я привез всех [трех] своих собак в Турцию. Как будто мы сейчас пытаемся повторить то, что у нас было в России, но только в Турции.

Мы купили в «Икее» такую же картину, которая у нас стояла в Москве, — просто чтобы создать иллюзию нашего семейного гнезда. Вечером или утром встречаешься с близкими, вы проводите время вместе, говорите, это чуть-чуть заземляет. Хотя это все равно очень тяжело, это все равно постоянное ощущение бесконечного падения. Но с родными медленнее падаешь.

— Как можно шутить, когда ты бесконечно падаешь?

— Возможно, сейчас как раз сейчас то время, когда нужно шутить. Опять упомяну Феликса Редьку, он делал стендап в бомбоубежище. Ты смотришь и думаешь — вот такие

задачи стендап и должен решать. В истории остаются такие выступления, как у Феликса. Он работает с людьми, работает с их страхом и дает им утешение.

Он им не шутит про свою жену, а говорит о происходящем — о том, где они (в бомбоубежище), о том, что они нашли в себе силы шутить, и так далее. Наверное, таким стендап и должен быть. Он должен со страхом работать.

Есть ощущение, что мы нужны сейчас. В мирные времена ты был просто фоном, а сейчас ты можешь приносить пользу, если ты научишься это делать правильно и хорошо.

Тут был медиа-файл! Чтобы посмотреть его, идите по этой ссылке.

(<https://www.youtube.com/watch?...>)

«Медуза»

Мы рассказываем честно не только про войну. Скачайте приложение.

(1) ЧВК Вагнера

Частная военная компания, в 2015 году вступившая в войну в Сирии и с тех пор поучаствовавшая в десятке локальных конфликтов за рубежом. В начале марта СМИ сообщали, что компания набирает добровольцев для участия в войне в Украине.

[Вернуться к тексту](#)

(2) «Мужское государство»

Группа пабликов во «ВКонтакте», идеологию которых описывали как «национал-патриархат». «Мужское государство» объявлено «экстремистской организацией», его деятельность на территории России запрещена.

[Вернуться к тексту](#)

(3) Думскроллинг

Бессмысленное и долгое пролистывание и обновление соцсетей и других сервисов, во время которого человек погружается в негативные новости и не может остановиться.

[Вернуться к тексту](#)

(4) Какие именно были угрозы

«За вашу голову назначена награда, так что щемитесь», — говорил первый звонивший Чужому. «Что я хочу объяснить тебе, пидор ты ***** [чертов], мы сейчас под Киевом. Но вертолеты российские сейчас летают очень быстро ***** [черт возьми]. И мы у тебя под дверью ***** [черт возьми], будем уже через шесть часов ***** [блин]. С полным боекомплектom. Тебе ***** [конец], тварь ты ***** [чертова]. Жди, ***** [блин]», — говорил второй звонивший.

[Вернуться к тексту](#)

(5) Фрагмент из концерта «Второстепенный персонаж»

«Я недавно подумал, что можно на похороны заказать венки с любым текстом. Я на свои похороны сам себе закажу венки. Чтобы люди пришли и увидели надписи: „От Госдепа США“, „От Московской масонской ложи“, „От вокалисток группы Серебро“. Чтобы люди в толпе на похоронах стояли, переговаривались и говорили: „Надо было чаще тусоваться с Денисом“».

[Вернуться к тексту](#)

(6) Что значит «заходил»?

На сленге комиков «заходить» — иметь положительный отклик, успех. Если шутка или выступление «заходит», значит зрители живо реагируют и смеются.

[Вернуться к тексту](#)

(7) «Стендап-клуб № 1»

Главное объединение независимых комиков в России. У ютьюб-канала клуба больше миллиона подписчиков.

[Вернуться к тексту](#)

(8) Виктор Комаров

Участник телешоу «Stand Up» со дня основания проекта в 2013-м. Шутит обо всем, выступает в роли «позитивного неудачника».

[Вернуться к тексту](#)

(9) Кого?

Сотрудники Центра по борьбе с экстремизмом МВД (центра «Э»).

[Вернуться к тексту](#)

(10) Молли Хупер

Помощница Шерлока Холмса в сериале BBC, патологоанатом госпиталя. Она влюблена в Шерлока и потому всегда готова ему

ПОМОЧЬ.

[Вернуться к тексту](#)

(11) Спешл

Большой сольный концерт комика.

[Вернуться к тексту](#)

(12) Майк Бирбиля

Американский комик, актер, режиссер, продюсер и писатель. Один из авторов передачи «This American Life» и издания The Moth. Выпустил несколько комедийных и телевизионных передач, в частности, работал в шоу «Стендап от Comedy Central». Играл в сериалах «Девочки», «Оранжевый — хит сезона», «Миллиарды» и других.

[Вернуться к тексту](#)
